(Годъ сороковой).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902

3.

9221
МУЗЕЙ

Стр.

369. Къ исторіи Черноморскаго флота, съ 1816 по 1853 годъ. **Д. М. Аѳанасьева.**

459. Императоръ Николай Павловичъ. (Изъ записокъ и воспоминаній современника) **В. М. Шимана.**

476. Изъ воспоминаній **Е. И. Елагиной.** Съ предисловіемъ доктора **С. А. Смирнова.**

483. Убіеніе Царевича Димитрія въ Угличѣ. **Д. М. Глаголева.**

498. Письмо **Арсенія Мацѣевича** къ оберъ-прокурору Св. Синода **князю А. С. Козловскому.**

499. Къ исторіи цензуры. Письмо графа **А. П. Тормасова** къ князю А. П. Оболенскому.

500. Альбомъ Анны Петровны Буниной. Статья **К. Я. Грота.**

507. Изъ писемъ **А. Я. Булгакова** къ его брату. 1833-годъ. Январь—Іюнь.

563. Противоисторическое направленіе славистики. **Д. И. Иловайскаго.**

568. О баснописцѣ Крыловѣ. Замѣтки **В. В. Каллаша.**

570. Два письма **И. С. Аксакова** къ И. Е. Великопольскому, съ примѣчаніями **Б. Л. Модзалевскаго.**

574. Историческія статьи въ неисторическихъ изданіяхъ. **В. Б.**

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1902.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ ЕЛАГИНОЙ.

Приводимыя здѣсь воспоминанія Е. И. Елагиной представляютъ собою весьма разнообразный интересъ. Трогательное, по своей простотѣ и глубинѣ, оскорбленное чувство дочери, сметая пыль, навѣваемую клеветою на дорогія для нея имена, въ тоже время короткими, но сильными чертами характеризуетъ одну изъ страницъ бытовой исторіи нашего Дерптскаго университета. Профессоръ Моіеръ, учитель профессоровъ Ѳ. И. Иноземцева и Н. И. Пирогова, былъ одною изъ свѣтлыхъ и даровитыхъ личностей, высоко поднимавшихъ въ свое время научное и образовательное значеніе этого университета. Каждый изъ его учениковъ почерпалъ изъ его ученія то, что по своей природѣ могъ почерпнуть. Честность въ наукѣ и нераздѣльная съ нею честность въ жизни были девизомъ этого ученія. Небольшой эпизодъ, разсказанный Е. И. Елагиной по случаю студенческихъ дуэлей, достаточно характеризуетъ и душевную высоту человѣка въ исполненіи нравственнаго долга, и благородную твердость ректора по отношеніи къ своему начальству. Въ самомъ подчиненіи своемъ онъ сумѣлъ быть честенъ. Могли ли молодыя сердца слушателей не откликаться сочувственно такому ректору?

Къ сожалѣнію, самое доброе сѣмя не на всякой почвѣ пускаетъ одинаковые ростки, и два ученика Моіера изъ его ученія внесли не одинаковыя убѣжденія въ науку и въ свою общественную и частную дѣятельность. Оба они предназначались для каѳедры хирургіи, Пироговъ въ Московскій Университетъ, Иноземцевъ въ Петербургскую Медико-хирургическую Академію. Судьбѣ угодно было измѣнить это предначертаніе: Пироговъ заболѣлъ, и Иноземцевъ былъ назначенъ на каѳедру Московскую. Не знаемъ, чѣмъ былъ бы Иноземцевъ на каѳедрѣ Петербургской; писалъ ли бы онъ больше, чѣмъ въ Москвѣ, издавалъ ли бы свои сочиненія на Нѣмецкомъ языкѣ, дорожа болѣе Европейскою извѣстностью, чѣмъ интересомъ Русскаго студента; но знаемъ, что Иноземцевъ въ Москвѣ сталъ рядомъ съ Грановскимъ и отдалъ всю свою душу Русскому врачебному дѣлу. Первый призывный кличъ къ самостоятельному труду на поприщѣ отечественной медицины послышался отъ Иноземцева, и студенты-медики Московскаго университета, въ теченіи четверти вѣка, откликались на него.

Время и случайность иногда заставляютъ забывать многое достойное пьедестала и ставить на него то, что не заслуживаетъ его; но судъ исторіи неотразимъ и вѣренъ: онъ рано или поздно возстановляетъ истину, снимая незаслуженные лавры и дѣлая великихъ людей иногда очень невеликими. Конечно отъ профессора учащійся юноша въ правѣ ожидать обогащенія

современными научными знаніями; но чуткимъ сердцемъ онъ въ тоже время ищетъ въ немъ руководителя и въ нравственной сферѣ. Современныя знанія безпрерывно смѣняются новыми открытіями, предъ которыми часто блѣднѣютъ старыя. Одинъ законъ нравственный остается непоколебимъ во всѣ времена, и проповѣдники его не умираютъ въ потомствѣ. Недалекъ отъ насъ примѣръ скромнаго труженика добра и человѣколюбія, Ѳ. П. Гааза. Тихо сошелъ онъ въ могилу замѣченный только тѣми, кому онъ благотворилъ. Проходитъ полстолѣтія, и является перо, возстановляющее передъ современниками чистый образъ беззавѣтнаго служителя нравственнаго начала. Сороковые годы минувшаго столѣтія, о которыхъ съ такимъ уваженіемъ вспоминаетъ настоящее время, сложились людьми мало заявившими свою дѣятельность въ литературѣ; но Грановскіе, Иноземцевы, Гаазы никогда не будутъ забыты. Утомленный суетностью своихъ великихъ практическихъ открытій, сводящихся въ концѣ концовъ лишь къ болѣе или менѣе успѣшной борьбѣ за существованіе и за его комфортъ и оставляющихъ развитіе жизни духовной въ сторонѣ, настоящій вѣкъ ищетъ для себя отдохновенія въ идеалахъ прежняго времени. Истинные носители этихъ идеаловъ не знали мелкихъ вожделѣній личнаго самолюбія, стремленія къ матеріальной наживѣ, хотя бы и въ ущербъ нравственному чувству, и не умѣли клеветать.

С. Смирновъ.

Можетъ быть, кто нибудь изъ внуковъ моихъ полюбопытствуетъ прочесть Записки Пирогова въ «Русской Старинѣ» 1884—1885 годовъ, зная, что Пироговъ былъ ученикомъ моего отца, профессора хирургіи въ Дерптѣ. По Запискамъ этимъ (и по Запискамъ Ф. Ф. Вигеля) получитъ онъ или она совершенно превратное понятіе о Моіерѣ, а мнѣ было бы очень горько, если бы дѣти Маши*) не знали, какой человѣкъ былъ ихъ прадѣдъ. Пироговъ говоритъ: Моіеръ послѣдніе года въ Дерптѣ вовсе не занимался наукой и больными, онъ занятъ былъ своимъ ректорствомъ и заботился объ одномъ—выслужить свои 25 лѣтъ до пенсіи. Потомъ самъ же, говоря о томъ же годѣ (1836), пишетъ, что Моіеръ предложилъ ему занять его каѳедру и что самъ онъ выходитъ въ отставку, что̀ и было.

Отецъ мой служилъ 22 года профессоромъ, въ числѣ этихъ 22 лѣтъ три года ректоромъ. Когда онъ вышелъ въ отставку, попечитель университета говорилъ ему, что онъ имѣетъ полное право на пенсію, исполняя двѣ должности въ теченіе трехъ лѣтъ, и предлагалъ ему представить его къ пенсіи; но отецъ мой отказался, говоря, что будучи ректоромъ, онъ выпрашивалъ для вдовъ профессоровъ много незаконныхъ

*) Внучка Ивана Филипповича Моіера, дочь Екатерины Ивановны и Василья Алексѣевича Елагиныхъ, Марья Васильевна Беэръ. Ей обязаны мы за сообщеніе въ „Русскій Архивъ“ этихъ воспоминаній. П. Б.

пенсій и боится, что подумаютъ, будто этимъ онъ прокладывалъ дорогу себѣ на полученіе незаконной пенсіи. Пироговъ же говоритъ, что Моіеръ былъ нехорошимъ ректоромъ, что его ненавидѣли студенты. Это совершенная неправда. Когда онъ уѣзжалъ изъ Дерпта, ему всѣ студенты устроили огромный факельцугъ. Разбитое стекло въ его кабинетѣ, на которомъ Пироговъ основываетъ свое мнѣніе о ненависти студентовъ, было отчасти поводомъ къ этой демонстраціи. Я помню, какъ при разбитомъ окнѣ въ нашемъ домѣ по всей улицѣ раздались крики: «Burschen heraus!» и какъ студенты бѣжали, чтобы догнать разбившаго. Оказалось, что это былъ какой-то Полякъ, о которомъ отецъ мой узналъ, что онъ шпіонъ и доносилъ на товарищей своихъ, студентовъ Поляковъ, будто у нихъ какой-то заговоръ. Объ этомъ написалъ отцу министръ Уваровъ, приславшій доносъ въ подлинникѣ, и поручалъ сдѣлать слѣдствіе. Доносъ вышелъ ложный; отецъ мой, въ силу власти данной ректору (не знаю, существуетъ ли она теперь), исключилъ доносчика изъ числа студентовъ и велѣлъ ему въ 24 часа оставить Дерптъ. Этотъ-то студентъ, передъ отъѣздомъ изъ Дерпта, бросилъ увѣсистый кирпичъ въ окно, разбившій и стекла, и раму окна.

Университетъ Дерптскій, не смотря на уваженіе, въ которомъ ему не могло отказать правительство въ научномъ отношеніи, былъ въ опалѣ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ: ввели мундиры, преслѣдовали несоблюденіе формы, уничтожали корпораціи, строго преслѣдовались дуэли. Ректору дѣлались безпрестанные выговоры за недонесеніе въ Петербургъ о дуэляхъ, за непредупрежденіе ихъ. Часто отца моего, при опасныхъ ранахъ на дуэли, приглашали перевязывать раны, вынуть пулю. На выговоръ министра отецъ отвѣчалъ ему, что онъ не можетъ узнавать о готовящейся дуэли, потому что студенты тщательно скрываютъ это. Уваровъ отвѣчалъ, что онъ этому вѣрить не можетъ, что онъ навѣрное знаетъ, что ректоръ такому-то вырѣзывалъ пулю, и вообще при опасныхъ ранахъ бываетъ приглашаемъ къ раненому. Отецъ мой написалъ ему въ отвѣтъ, что *ректора* никогда не зовутъ въ такихъ случаяхъ, а можетъ быть, *профессора хирургіи* Моіера, но что Моіеръ, въ силу докторской присяги имъ данной при полученіи диплома, клялся никому не разсказывать о болѣзни паціента, если паціентъ этого не хочетъ и конечно ему *ректору* никогда не скажетъ. Этимъ дѣло и кончилось. Уваровъ не посмѣлъ сказать, что присяга вздоръ.

Еще говоритъ Пироговъ, что отецъ мой небрежно относился къ лекціямъ и дурно дѣлалъ операціи, что при немъ вырѣзывалъ онъ камень у старика, и чуть не уморилъ его, не взявъ достаточно большого ножа. Во сколько лучше Пироговъ сдѣлалъ бы эту операцію, не

знаю; знаю одно, что отецъ мой долго учился въ Павіи у Скарпы, и изучилъ именно операцію камня, которой славился Скарпа. (Болѣзнь эта въ Италіи очень распространена среди народа, отъ кислаго вина, которое пьютъ простолюдины). Шульцу (тотъ старикъ, которому отецъ мой дѣлалъ операцію камня) было около 80 лѣтъ, и весь городъ увѣренъ былъ, что онъ умретъ подъ ножомъ. Операція удалась, отецъ вырѣзалъ у него два большіе камня, онъ жилъ еще долго послѣ того и считалъ отца моего своимъ благодѣтелемъ и спасителемъ. Онъ предоставилъ намъ мѣсяца на два свою деревню Кидіерфъ, узнавъ, что бабушка моя не захотѣла ѣхать лѣтомъ на дачу (какъ мы это дѣлывали) чтобы не оставлять отца моего въ городѣ одного. Операція была во время ваканцій. Насъ угощали въ Кидіерфѣ, какъ принцевъ крови, мы прожили тамъ очень весело (мѣстоположеніе прелестное).

А сколько помогалъ отецъ мой бѣднымъ и больнымъ, этого никто не знаетъ и никогда не узнаетъ. Онъ замѣчательно хорошо игралъ на фортепьянахъ, и своими концертами удалось ему основать въ Дерптѣ первый Бѣдный домъ на 12 старухъ и стариковъ. Мать моя для того же бѣднаго дома продала все, что у нея было драгоцѣннаго. Я до сихъ поръ не могу понять, какъ они съ своими маленькими средствами могли дѣлать столько добра. Жалованье его было 5 тысячъ ассигнаціями, т. е. меньше 1500 р. Муратово давало, можетъ быть, тысячи 2 ассигнаціями, т. е. меньше 600 р. с. У него въ домѣ жили его племянники, сыновья сестеръ его, Дерптскіе студенты или гимназисты; росли двѣ племянницы Воейковы, одно время три. Моя бабушка, теща Моіера, которую онъ любилъ и уважалъ и о которой онъ заботился, какъ о родной матери, тоже жила съ нимъ. Уѣзжая изъ Дерпта (какъ узнала я изъ отчетовъ его Бѣднаго дома, которые мнѣ въ Дерптѣ сообщали), онъ оставилъ капиталъ въ 5000 рублей сер. въ банкѣ, проценты съ котораго должны быть употребляемы на содержаніе этой богадѣльни. По смерти отца на ней прибили вывѣску Moiersches Armenhaus. Окна этого дома противъ могилы моей матери. Старухи (ихъ теперь уже 24) говорили мнѣ, что молятся за него и за нее, глядя на крестъ на ея могилѣ. Вотъ какова была ихъ общественная дѣятельность.

Теперь о томъ, какой онъ былъ семьянинъ и какой былъ онъ благородный, умный, любезный, острый въ семейной жизни. Ф. Ф. Вигель говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что, проѣзжая черезъ Дерптъ, захотѣлъ увидѣть ту, которую такъ любилъ Жуковскій, пошелъ познакомиться съ моей матерью и очень былъ удивленъ, увидавъ, ея мужа, *толстаго, бѣлокураго Нѣмца, лицомъ напоминающаго мясника*! Отецъ мой былъ очень красивъ, руки его были такъ изящны и малы, что

имъ могла бы позавидовать любая красавица; манеры его были необыкновенно изящны, онъ былъ очень образованъ, музыку зналъ въ совершенствѣ и превосходно игралъ на фортепьянахъ. Онъ прекрасно разсказывалъ и очень ясно и кратко излагалъ. Слушатели его говорили, что его лекціи, на которыя онъ часто опаздывалъ, полезнѣе для нихъ, хотя бы продолжались полчаса вмѣсто часа.

Кромѣ родныхъ жили у насъ еще въ домѣ въ разное время Зейдлицъ и Даль. Оба, особливо первый, остались на всю жизнь нашими самыми искренними, преданными друзьями. Пироговъ тоже жилъ въ нашемъ домѣ одно время; но, видно, это время не оставило въ немъ благодарнаго воспоминанія объ отцѣ моемъ, что̀ меня очень удивило. Онъ очень многимъ обязанъ былъ отцу моему. Отецъ мой заступился за него, когда его за лѣнь собирались исключить изъ числа профессорскихъ студентовъ, присланныхъ на казенный счетъ готовиться къ слушанью лекцій въ чужихъ краяхъ.

До послѣднихъ 12 или 13 лѣтъ своей жизни, отецъ мой былъ необыкновенно веселый собесѣдникъ, очень любимъ въ обществѣ, смѣхъ его былъ веселый, заразительный, какой я когда-либо слыхала. Ректорство и многія другія обстоятельства мало-по-малу отняли у него беззаботность и веселье. Университетъ былъ въ опалѣ (хоть и не такой какъ теперь, когда его уничтожаютъ совсѣмъ) и находился подъ особеннымъ гоненіемъ правительства. Приходилось безпрестанно бояться, какъ бы не отдали въ солдаты кого-нибудь изъ студентовъ. А солдатчина тогда была на 25 лѣтъ, съ палками, розгами, сквозьстроемъ.

Жизнь въ нашемъ домѣ въ Дерптѣ была веселая, но очень простая. Напримѣръ, праздникомъ для племянниковъ отца моего и домочадцевъ было: уходить съ утра въ Бѣдный домъ, весною, чтобы собственноручно вспахать тамъ огородъ, посадить картофелю, сдѣлать грядки и разсадить капусту, а осенью убрать. Отецъ и мать моя, разумѣется, шли съ ними и работали вмѣстѣ и больше дѣтей. Тамъ готовили имъ незатѣйливый обѣдъ; возвращались вечеромъ, кончивъ заданный себѣ урокъ. И меня брали они съ собой, но я этого не помню (мнѣ еще не было трехъ лѣтъ, когда скончалась мать моя). Я знаю объ этомъ изъ писемъ матери моей. Когда бывалъ у отца бѣдный паціентъ въ городѣ, онъ лѣчилъ его также внимательно, такъ же тщательно, какъ и богатаго; у насъ на кухнѣ готовилась пища для него, а часто и для семьи его, и обѣдъ этотъ мать моя иногда сама относила вмѣстѣ съ По́люшкой, моей няней, которая мнѣ это разсказывала.

Смерть матери на всю жизнь отца подѣйствовала сильно: онъ въ одинъ годъ (1823) посѣдѣлъ совершенно. Когда Авдотья Петровна Елагина увидала его въ этомъ году и ахнула, онъ сказалъ ей: «C'est

la poudre du voyage», разумѣя ту пыль, которую налагаетъ на насъ путь жизни. Сознаніе строгаго исполненія долга, пользы, которую онъ приносилъ, сознаніе честной, безупречной жизни его поддержали. Онъ умеръ въ Бунинѣ въ 1858 году 1-го Апрѣля, протянувъ руки впередъ, и воскликнувъ «Маша!» Я убѣждена, что за нимъ пришла мать моя. Потомъ онъ перекрестился и сложилъ руки крестомъ на груди. Теперь еще живы мужики, помнящіе его; они вспоминаютъ о немъ съ любовью и благодарностью. Когда была объявлена эманципація, и имъ вручили манифестъ, они пошли на его могилу и громко запѣли: «Святый Боже, святый крѣпкій и проч.». Больной за мѣсяцъ до смерти, онъ присоединился къ нашей церкви, послалъ сказать объ этомъ крестьянамъ и звать всѣхъ поздравить его. Они пришли, и онъ по случаю этого событія роздалъ имъ почти весь находившійся въ амбарахъ хлѣбъ. Я убѣждена, что, если бы онъ, здоровый, прожилъ еще года два, наши крестьяне были бы свободны до общаго освобожденія.

У него была артель рабочихъ въ 20 человѣкъ, 20 рабочихъ лошадей, телѣгъ, сохъ, боронъ и проч. Прикупленная къ Бунину земля въ Черногрязкахъ обрабатывалась этими наемными рабочими; онъ хотѣлъ мало-по-малу все прибавлять рабочихъ, прикупать лошадей, телѣги, сани и проч., и со временемъ всѣ свои поля обработывать наймомъ, а крестьянскую землю предоставить имъ даромъ. Когда введены были общественные магазины (нынѣ уничтоженные), отецъ мой вырѣзалъ крестьянамъ изъ своего поля 12 десятинъ, сборъ съ которыхъ шелъ на пополненіе магазина. Когда магазинъ былъ полонъ, земля эта возвратилась въ господское поле. Артель его зимою била масло на нашей маслобойнѣ; съ каждаго двора отецъ бралъ извѣстное количество конопли, ее пробивали, масло продавалось, жмыхи отдавались владѣльцамъ конопли. Отецъ мой за крестьянъ платилъ подушныя (въ то время по 1 рублю съ души, теперь же, въ 1886 году, съ выкупомъ почти 15 рублей); конопля, которая была взята у крестьянъ, разсчитывалась по самой дорогóй, въ теченіе зимы, цѣнѣ, и мужикамъ раздавалось все, чтò приходилось имъ за уплатою подушныхъ. Изъ господскихъ луговъ нѣсколько десятинъ косилось въ пользу крестьянъ; но сѣно это не отдавалось имъ на руки, а сохранялось у насъ, и выдавалось весной, во время посѣва овса. Всякіе поборы, какъ бывали у другихъ помѣщиковъ, у насъ были отмѣнены; за всякую посылку мужика платилось, и на это была такса: въ Орелъ 75 коп., въ Болховъ 1 рубль, въ Петрищево 1 р. 50 к. за лошадь. У крестьянъ Бунинскихъ было тогда очень много лошадей; мнѣ разъ случилось выставить на подставы 10 троекъ. Лошади были сытыя, выѣзженныя. Проданные рожь и овесъ отвозились тоже съ най-

ма; во время крѣпостного права у насъ платили съ пуда, смотря по разстоянью, дороже если продавали въ полѣсье, потому что тогда на возвратныхъ подводахъ привозили дрова или лѣсъ для построекъ. Строила артель; они были каменщики и плотники. Домъ въ Бунинѣ строенъ артелью подъ руководствомъ одного паціента отца моего. Одинъ бѣдный каменщикъ пріѣхалъ въ Дерптъ изъ Германіи искать работы, отморозилъ себѣ руку, и отецъ мой принужденъ былъ ему ее отрѣзать. Когда пришло время ему выдти изъ клиники, этотъ несчастный заплакалъ и сказалъ отцу моему: «Вы спасли мнѣ жизнь, для того, чтобы я умеръ съ голоду». Отецъ предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Бунино и научить рабочихъ, которыхъ онъ дастъ ему, дѣлать кирпичи и возводить каменныя стѣны. Тотъ съ благодарностью принялъ мѣсто, и вотъ начало артели, которая, если бы мысли отца моего осуществились, могла бы, можетъ быть, имѣть огромное значеніе для освобожденія крестьянъ, совсѣмъ на другихъ началахъ. Но отецъ мой не любилъ говорить о томъ, что̀ имъ еще не сдѣлано. Мы одни, мужъ и я, знали что̀ онъ замышляетъ. Обработка крестьянской земли также строго наблюдалась имъ, какъ и господской; онъ хорошо зналъ хозяйство полевое, всякій день объѣзжалъ свои и крестьянскія поля, заставлялъ ихъ перепахивать землю, такъ же какъ и свою, когда находилъ, что она дурно вспахана. Трехдневная барщина у насъ не наблюдалась; смотря по надобности иногда всю недѣлю работали на нашемъ полѣ, а иногда на крестьянскомъ. Тоже во время сѣнокоса. Частые передѣлы строго запрещались, тоже и раздѣлы. Наказанья розгами за работу не бывало. Высѣкли одинъ разъ сына по просьбѣ отца, котораго сынъ билъ.

Вы, дѣти, можете благодарить Бога за то, что ваши дѣды и прадѣды были честные, благородные, замѣчательно образованные люди. Дай Богъ, чтобы вы были достойны ихъ. Надѣясь, что вы будете жить въ Бунинѣ, хочу, чтобы вы знали, что посажены вашимъ прадѣдомъ садъ и всѣ рощи. Онъ посадилъ въ одну осень 140 тысячъ березъ. Когда мы въ 1837 году пріѣхали изъ Дерпта въ Бунино, здѣсь не было ни одного дерева, кромѣ Пожаро́вскихъ и Вышнихъ дубовъ. Глядя на эти рощи, вспоминайте о томъ, кто вамъ ихъ приготовилъ. Есть одна березовая аллея, ведущая отъ воротъ въ садъ, къ колодцу; ее собственноручно посадилъ отецъ мой въ одну безсонную ночь, вернувшись отъ родильницы, которая умерла: ему это напомнило смерть жены его. Не знаю, увижу ли я кого изъ васъ, и будете ли вы когда-нибудь существовать, но пишу все это затѣмъ, что если будутъ дѣти у моей Маши, чтобъ они знали, что noblesse oblige, въ томъ смыслѣ, что внуки *хорошихъ* предковъ должны подражать имъ.

Бунино. Іюнь 1886 г.